

Талышская библиотека

Собрание историко-этнографических материалов о Талыше и талышцах

Москва-Ленкорань 2007

Материал № _____

Краткая аннотация: Н. Марр. Талыши.

Самоназвание талышей, география Ленкоранского уезда. Талыши на Мугани и в Персии. Сословия, антропология, особенности языка. Религия, обвешивание деревьев лоскутами, почитание священного дуба и рощ, как у горцев Кавказа. Поверья о солнце и луне, схожие со сванскими и абхазскими. Некрополи талышей, схожие с северо-кавказскими. Теория Моргана о единстве талышской и кавказской археологии с испанской, индийской, памирской и греческой. Талыши как часть кавказского яфетического мира. Каменные ящики – могилы, аналогичные с армянскими и северокавказскими. Археология Талыша и её близкие параллели с северо-кавказской, Другие параллели с индийской и греческой культурой. Каменные бараны на могилах в Талыше и в др. местностях Кавказа. Термин «талыш» и его распространённость в Закавказье. Рисовые плантации, шелководство, пчеловодство. Древние городища и крепости. Жилища – лямы на сваях. Количество мечетей – 39. Костюм, пища. Сходство талышей с горцами Кавказа, а также с гилянцами и татами Ирана. Объём - 29 стр.

Напечатано по распоряжению Российской Академии Наукъ.
Сентябрь 1922 г.

Непремѣнный Секретарь, академикъ С. Ольденбургъ.

Россійская Государственная Академическая Типографія.

Петербургъ. Десятая линія 12.

2000 экз.

РОССІЙСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ

ТРУДЫ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНІЮ ПЛЕМЕННОГО
СОСТАВА НАСЕЛЕНІЯ РОССІИ

4

Н. Я. Марръ

ТАЛЫШИ

ПЕТРОГРАДЪ

1922

Напечатано по распоряжению Российской Академии Наук.
Сентябрь 1922 г.

Непремѣнный Секретарь, академикъ *С. Олденбургъ*.

280371 ✓

1648a
24/11 1924

Россійская Государственная Академическая Типографія.

Петербургъ. Девятая линія 12.

2000 экз.

ТАЛЫШИ.

(Къ вопросу объ ихъ національномъ самоопредѣленіи).

Талыши или, какъ сами они себя называютъ, *толыши* (оолэш←оалэш←талэш), въ нашихъ предѣлахъ занимаютъ южную половину Ленкоранскаго уѣзда Бакинскои губерніи между Каспійскимъ моремъ на востокъ и Талышскимъ хребтомъ на югѣ¹.

Въ географическомъ отношеніи Ленкоранскій уѣздъ относятъ не къ Кавказу, а къ Персіи². Повидимому, связь съ Персіею сильна и въ зоологическомъ отношеніи, но гео-этнически край безспорно примыкаетъ къ Кавказскому міру³.

¹ Матеріальная часть слѣдующаго наброска о талышахъ составлена на основаніи записки, представленной по моему порученію Б. В. Миллеромъ подъ заглавіемъ „Талышъ. Краткій очеркъ страны“ (1—14 стр. in-fol.). Дополнительно использована главнымъ образомъ работа J. de Morgan'a *Recherches préhistoriques dans le Talyche russe (Lenkorân)*, М. Mission Scientifique en Perse, t. IV. *Recherches archéologiques*. I р., Парижъ 1896, стр. 13—125. Грустно вспомнить, что, помѣшавъ французскому археологу дослѣдовать некрополи края запрещеніемъ производства какихъ либо раскопокъ и въ Талышии и на всемъ Кавказѣ (ц. с., стр. 56—59), мы сами оказались неможны заполнить своимъ трудомъ получившейся пробѣлъ. Авторъ единственной археологической работы о русской Талышии, „открывшій ее археологіи“, de Morgan, быть можетъ, не думалъ иронизировать, когда онъ писалъ слѣдующія строки, нынѣ звучащія ироніею: „Конечно, тамъ откроется не мало интересныхъ документовъ, если русское археологическое общество, проявляющее такую строгость какъ къ хищникамъ туземнымъ, такъ и къ иноземнымъ археологамъ, воспрепятствовавъ всякимъ раскопкамъ въ Ленкорани, само будетъ ихъ производить“ (ц. с., стр. 59). Впрочемъ Русское Археологическое Общество не причастно къ этому воспрещенію.

² De Morgan, ц. с. стр. 59: „Le Lenkorân ne fait que politiquement partie de l'empire russe, la situation naturelle, le climat, la nature des habitants rattachent cette province au reste de la Perse“.

³ Изъ-за отсутствія мѣстнаго этнологическаго критерія при размежеваніи съ сопредѣльными странами, Кавказъ всегда терпѣлъ и терпитъ ущербъ отъ прева-лированія значенія политически или культурно господствовавшихъ позднѣе народовъ въ разрѣшеніи чисто гео-этническихъ вопросовъ. Сами кавказовѣды

Въ Талышии два района, низменный (лѣсной) и горный. Талышей 67.552 въ 297 селеніяхъ и отселкахъ, а съ г. Ленкоранью 75.824, т. е. талыши составляютъ болѣе половины (54,7%) всего шиитскаго населенія уѣзда.

Талыши находятся и въ Мугани, но кочующіе; впрочемъ условія этого кочевого вкрапливанія неизвѣстны или неясны¹, такъ, напр., требуетъ болѣе ясной распредѣленіе населенія между горнымъ и низиннымъ районами.

Провѣрки и установленія конкретныхъ данныхъ требуетъ распространеніе талышей на югъ за предѣлами Россіи, особенно въ Карадагъ и другихъ мѣстахъ Персіи, въ Муганской степи и до устья р. Диначаль, межѣ округовъ Решта и Гаскера, о чемъ имѣются свидѣтельства (Ходзько, Дорнъ).

Исторически выясняется, что талыши территоріально также являлись звеномъ между сѣверомъ, гдѣ есть татское населеніе, и югомъ, гдѣ они остаются въ соприкосновеніи съ родственными обитателями Гиляна, съ заходомъ уже въ предѣлы Персіи верстъ на 40—50. При ширваншахахъ талыши простирались на сѣверъ до Кызыл-Агаджа (Риссъ), причемъ до ближайшаго къ намъ времени, на памяти стариковъ, и въ этой части населеніе говорило по-талышски.

Еще тѣснѣе взаимно проникаютъ другъ въ друга талыши съ азербейджанцами-турками, успѣшно борясь съ ними въ предѣлахъ Ленкоранскаго уѣзда въ отношеніи заселенія его площади и не уступая имъ ни пяди земли на выдвинутыхъ аванпостахъ талышкаго населенія.

Талыши народъ съ сословнымъ дѣленіемъ. Сословія четыре:

стояли на точкѣ зрѣнія умаленія предѣловъ кавказскаго этническаго міра; такъ, напр., когда персидскій источникъ, использованный въ *Армянской Географіи VII вѣка*, относитъ даже Мидію въ Кавказскій край, арменистъ К. П. Паткановъ торопится исправить эту кажущуюся ему оплошность или неточность, воспринимая, „край кавказскій въ смыслѣ: прикавказскій“ (ц. с., стр. 58, прим. 191,1).

¹ De Morgan о кочующихъ со стадами въ Муганскую степь племенахъ пишетъ: „эти племена однако не суть чистые талыши (pures tālyches): они съ примѣсью турокъ, и ихъ пастушескіе нравы къ нимъ привились (leur viennent) вѣроятно отъ туранскаго элемента, откуда они происходятъ“ (ц. с., стр. 28—29). При такомъ упрощенномъ подходѣ къ вопросу метисаціи на Кавказѣ, едва ли смогли бы мы когда либо его разрѣшить въ какой либо мѣрѣ. И откуда взялъ французскій археологъ, что пастушескій образъ жизни и кочевой бытъ были чужды аборигенамъ Кавказа до появленія турецкихъ номадовъ?

1) беки—348, 2) духовенство—1,102, 3) мафы (ополчение)—665, 4) крестьяне—15.310, а. бекские—4.040 и б. казенные—11.260, изъ коихъ 1. нукеры и пастухи вмѣстѣ—2,694, 2. акеры (половники)—?, 3. обыкновенные крестьяне—4,962. Однако не говоря о недочетахъ этого перечня сословій, предложенныя свѣдѣнія старыя, по официальнымъ даннымъ за 1831 г. (Мин. Внутр. Дѣлъ), а, главное, составлены безъ вниманія къ этническимъ особенностямъ ихъ племенного состава.

Антропологическимъ обследованіемъ талышскаго населенія мы не располагаемъ вовсе, не говоря объ отсутствіи соответственныхъ наблюдений по-районно или по сословіямъ.

Съ точки зрѣнія яфетидолога, талыши своей этнической культурой примыкаютъ къ сѣверно-кавказскимъ яфетидамъ, къ яфетидамъ двухбассейной—понтійско-каспійской вѣтви, если исключить элементы адаптаціи, также, естественно, многочисленныя, плоды приспособленія къ позднѣйшимъ культурно-историческимъ условіямъ края, въ томъ числѣ и усвоеніе персидскаго языка, одного изъ его нарѣчій архаичнаго типа.

Однако и въ этой живой иранской рѣчи талышской—рядъ своеобразныхъ явленій яфетическаго типа, какъ то въ фонетикѣ: почти полное отсутствіе звука *f*, наличіе ряда согласныхъ средней звонкости, по недоразумѣнію называемыхъ придыхательными, въ губныхъ—*φ*, зубныхъ—*ϕ* и язычныхъ—*q*, наличіе звука *ə*, съ переходомъ въ него *i* ($\leftarrow e$) и *u*, какъ въ аріоевропейско-яфетическихъ языкахъ, напр., въ хайкскомъ.

Въ параллель средневѣковому и новому армянскому утрата *g* и *d* (съ предварительной исторіею $e \rightarrow g$)¹ въ исходѣ, особенно же исчезновеніе носового *n*, равно и въ серединѣ. Появленіе смягченныхъ *v* ($\rightarrow f$) вм. *b*, герср. *gu*, *h* (съ исчезновеніемъ передъ *ə*) вм. *q*, герср. *qw*, представляющее архаизмъ въ порядкѣ разсмотрѣнія его въ плоскости исторіи иранскихъ языковъ, имѣетъ свои параллели иного происхожденія въ сравнительной грамматикѣ яфетическихъ языковъ, частью (*h*/*q*) и въ діалектологіи такихъ аріоевропейско-яфетическихъ языковъ, какъ хайкскій

¹ Въ татскомъ перебой *d* [$\rightarrow e$] $\rightarrow g$ одинъ изъ основныхъ законовъ его фонетики въ той же мѣрѣ, какъ въ языкахъ Арменіи, во всякомъ случаѣ въ одномъ изъ нихъ, или хайкскомъ или хайскомъ (см. Н. Марръ, ЗВО, 1921, т. XXV, стр. 232). Въ кругу яфетическихъ языковъ восточнаго Кавказа тотъ же законъ присущъ агульскому въ особомъ яркомъ проявленіи; то же явленіе наблюдается и въ табасаранскомъ.

и хайскій (пережиточно см. $\dot{q}$ въ мокскомъ нарѣчїи вм. нынѣ обще-армянскаго h). Въ морфологїи пережиткомъ яфетидизма представляется совершенное отсутствїе персидскаго изафета, съ постановкою опредѣляющаго всегда передъ опредѣляемымъ (отсюда и прилагательнаго передъ существительнымъ), какъ въ грузинскомъ и вообще кавказскихъ яфетическихъ и нѣкоторыхъ яфетидоидныхъ языкахъ, напр. изъ языковъ Арменїи въ хайскомъ, но не въ хайкскомъ; въ связи съ этимъ и остатки падежныхъ окончанїй (- i , - $\ddot{o}$), особенно опредѣлительнаго („casus obliquus“) съ характеромъ обще-яфетическаго р. падежа i , а равно образованїе падежей съ предлогами и особенно съ послѣлогами (qu , ada ← $andar$, ro), какъ въ средне-грузинскомъ и вообще въ яфетическихъ языкахъ новой формациї съ постановкой словъ въ томъ или иномъ падежѣ, въ талышскомъ—въ косвенномъ падежѣ - i . Общее теченїе представляетъ, по крайней мѣрѣ для ряда иранскихъ діалектовъ, отождествленїе дат. падежа съ вин. Въ глагольныхъ суффиксахъ личное окончанїе 2-го лица $ш$ (- $ш$) интересно своею близостью съ хайкско-хайск. s (- es , - is и т. п.), на что приходится указывать въ связи съ построенїемъ н. времени, какъ въ армянскомъ средневѣковомъ и новомъ (← i $galis$ em || $galis$ em , ср. $gal-um$ em), съ помощью послѣложнаго мѣстнаго падежа — $voe\acute{e}-da-m$ или $voe-ea-m$ *говорю*. Образованїе пассивное прошедшихъ временъ у переходныхъ глаголовъ, повторяющее тождественный обще-яфетическій строй аориста и производнаго отъ него сослагательнаго, требуетъ пересмотра вопроса о возникновенїи соответственныхъ формъ вообще въ иранскихъ языкахъ, въ частности въ персидскихъ нарѣчїяхъ. Въ семасической части отмѣчу использованїе слова „голова“ ($ba-sa$) въ значенїи предлога „изъ-за, ради“, какъ въ яфетическихъ языкахъ.

Отрицательный префиксъ $a-$ въ глаголахъ ($a-marde-himon$ *не умремъ*) по талышской фонетикѣ можетъ быть остаткомъ $ap-$ въ связи съ исчезновенїемъ носового (см. выше), если смотрѣть на него какъ на яфетическій элементъ, общїй съ армянскимъ, въ которомъ однако $a-p-$ || $a-r-$ составная частица, съ отрицанїемъ a въ основѣ, общеупотребительнымъ въ грузинскомъ ($a-ra$) и проникшимъ въ греческій въ качествѣ префикса.

Въ рѣчи двухъ районовъ, горнаго и низиннаго, наблюдается нѣкоторое различїе, діалектическое, пока отмѣченное въ названїяхъ растений. Но нѣтъ данныхъ, чтобы учеть это различїе какъ

показатель определенных разновидностей этнических осложнений. Нѣтъ даже свѣдѣній о наличіи двухъязычныхъ населенныхъ пунктовъ, и нѣтъ данныхъ касательно степени распространения гражданско-культурнаго персидскаго языка, равно религіознаго арабскаго.

Талыши — мусульмане-шіиты, освѣдомляютъ насъ собиратели матеріаловъ. И хотя они главное вниманіе удѣляютъ этой культурно-исторической видимости, результату адаптаціи, однако и по шіитизму не знаемъ ни времени его возникновенія у талышей, ни полноты его бытового проявленія среди нихъ. Есть ли въ краѣ какіе либо признаки, хотя бы пережиточные, существованія нѣкогда христіанъ или даже свидѣтельствуемыхъ до поздняго времени суннитовъ, свѣдѣній у насъ нѣтъ. Когда же въ самомъ народѣ отмѣчаютъ „религіозную исключительность и брезгливость по отношенію къ невѣрнымъ, особенно проявляющуюся въ многочисленныхъ мѣстахъ“, то еще вопросъ, правда ли это „шіитская“ черта, какъ опредѣляютъ ее наблюдатели.

Во всякомъ случаѣ подлинной народной религіею, пережиточно наличной въ народномъ быту и народныхъ вѣрованіяхъ, талыши относимы къ яфетическому міру Кавказа, но факты этого порядка, характеризующіе народную религію какъ астральную, зарегистрированы лишь вскользь. Сюда относятся вѣра въ нечистыхъ духовъ, раскрываемая въ связи съ затменіемъ луны, представленіемъ о звѣздахъ-иблисахъ (дьяволахъ), о солнцѣ-женщинѣ и лунѣ-мужчинѣ, какъ у яфетидовъ¹, и сильно развитое древопоклоненіе. По общераспространенному древопоклоненію отмѣчены „священные рощи“ и „священные деревья“ дубъ и букъ, какъ у яфетидовъ, притомъ въ определенныхъ мѣстахъ особо могущественныя, такъ священный дубъ въ Машаханѣ съ заповѣдностью

¹ Преданія и вообще фольклористическій матеріалъ о лунѣ и солнцѣ у талышей требуетъ особаго вниманія. Затменіе луны у талышей находитъ то же отношеніе, что у другихъ кавказскихъ народовъ, въ частности у свановъ и абхазовъ (ср. „стучаніе въ мѣдную посуду“), но этого мало при распространенности явленія и у другихъ народовъ. Кромѣ того, краткая замѣтка *Изъ космогоническихъ повѣрій талышинцевъ Ленкоранскаго уѣзда* (СМ, XVII, стр. 202—204) смущаетъ тѣмъ, что повѣрія рассказываются со словъ „мусульманъ“, и хотя выдѣляются взгляды интеллигентныхъ мусульманъ — ахундовъ и мулъ, но у автора-собиравателя, учителя Т. Байрам-Алибекова, нѣтъ строгаго разграниченія между природнымъ народнымъ (этническо-культурнымъ) и наноснымъ (культурно-историческимъ).

или священностью окружающей мѣстности (ср. то же самое у абхазовъ съ Atkondar'омъ близъ Лыхна), священный букъ на высотѣ Уля-Шавешъ, вдоль р. Вернару (см. роль буковыхъ плодовъ въ культѣ свановъ), священная роща изъ великолѣпныхъ *азатовыхъ*¹ деревьевъ близъ с. Веравула, въ нѣсколькихъ верстахъ къ сѣверу отъ Ленкорани, небольшая такая же священная роща въ сѣв.-вост. углу лужской котловины, близъ стараго кладбища (ср. священныя рощи у абхазовъ и адигеевъ).

Изъ наблюдений по культу характерны подробности древопоклонения съ обвѣшиваніемъ священныхъ деревьевъ и кустовъ лоскутками матеріи, какъ у армянъ (ср. օւզ-տաւիկ); не досчитывается почитанія животныхъ, связаннаго и съ астральнымъ культомъ, и древопоклоненіемъ. О значеніи экстенсивности послѣдняго культа можно будетъ говорить, наблюдаемъ ли его въ Средней Азіи у монголовъ или въ Европѣ, когда мѣстное районное, въ данномъ случаѣ кавказское, проявленіе будетъ углублено и цѣлостно вскрыто и дослѣдовано. Даже о народномъ талышскомъ календарѣ нѣтъ ни слова.

Если исключить одинъ упомянутый выше рассказъ про солнце и луну, фольклоръ, пока извѣстный, ограничивается описаніемъ чудодѣйственныхъ силъ деревьевъ, убранныхъ лоскутками (освобожденіе отъ маляріи), и послѣдствій нарушенія заповѣдности священныхъ рощъ.

Съ выявленіемъ подлинно народныхъ религіозныхъ вѣрованій въ неразрывной связи находится вопросъ объ отношеніи ихъ къ характеру языческихъ погребеній. Территорія талышскаго населенія, притомъ именно въ горномъ районѣ, характеризуется

¹ Дерево „азат“ по G. Radde „Zelkowa crenata Sprach; родовое названіе заимствовано изъ грузинскаго, въ которомъ дерево это называется Dzelkwa [dɛlqwa]. У талышей оно зовется: «нил», у татаръ—«азат» (*Reise an der Persisch-Russischen Grenze. Talysch und seine Bewohner*, стр. 115). „Азат“ собственно персидское названіе (آزاد درخت), прошедшее и въ сирійскій языкъ; лексически оно значить „свободное дерево“. По Vullers'у это „названіе дерева, которое въ Гурганѣ называется زهر زمین *ядъ земли*, а въ Персіи — درخت طاق و طغك, по-арабски علقم و شجرة جره. Эти и другія лексическія передачи не даютъ однако реального представленія о деревѣ; если оно дѣйствительно то же, что грузинское dɛlqwa, буквально означающее „древо-камень“, то въ немъ имѣемъ „чинарь“ или „платанъ“, въ имерскомъ говорѣ ɛaəqʷ-1 (невѣрно переводимое словомъ „липа“), по-абхазски — a-ʃkondar, т. е. дерево опять таки культовое наравнѣ съ дубомъ (Н. Марръ, *О религіозныхъ вѣрованіяхъ абхазовъ*, XV, IV, стр. 134).

некрополями кавказскаго типа, какъ по типамъ сложенія доменовъ, такъ по содержанію¹.

Некрополи расположены, какъ въ другихъ частяхъ Кавказа, въ горномъ районѣ по склонамъ возвышенностей.

Самый матеріаль, бронза, мѣдь, желѣзо и серебро, продукты яфетической этнической культуры, генетически связанъ съ кавказскимъ міромъ. Определеніе въ талышскихъ погребеніяхъ новой эпохи появленіемъ желѣза и серебра можетъ говорить не о внѣдреніи непременно племени иной семьи², притомъ, какъ склоненъ былъ думать de Morgan, арийской³, а новымъ металлургическимъ достиженіемъ яфетидовъ, определеннаго ихъ пле-

¹ De Morgan торопится расширить базу своей сравнительной работы надъ талышскими древностями и ищетъ параллелей отъ Пиренеевъ до Индіи, не закрѣпивъ ихъ научно отведеніемъ имъ определеннаго мѣста въ кавказской, особенно гео-этнической археологической средѣ. Распространеніе кавказскихъ типовъ въ памятникахъ матеріальной культуры вплоть до Индіи и Пиренеевъ какъ яфетическихъ насъ уже не смущаетъ, поскольку яфетиды вскрыты лингвистически въ баскахъ и на Памирѣ за Гиндукушемъ, они же, выступающіе этрусками на Аппенинскомъ полуостровѣ и языковыми отложениями въ греческомъ, вообще представители расы, созидавшей средиземноморскую культуру до аріоевропейцевъ, но нѣтъ у de Morgan'a вниманія и къ кавказской живой старинѣ, даже историками зарегистрированной, такъ, напр., находженіе въ погребеніи четырехъ череповъ, судя по обстановкѣ одного мужчины и трехъ женщинъ, de Morgan'a увлекаетъ: усмотрѣвъ въ находкѣ доказательство полигаміи и того, „что при смерти мужа съ нимъ погребали его женъ живыми или умерщвляли ихъ по этому случаю“, онъ торопится подыскать параллель въ одной Индіи, причемъ расписываетъ далѣе „ужасныя сцены у могилъ во время погребеній“ (стр. 34); между тѣмъ ближе было бы вспомнить армянскую живую старину ервухъ вѣковъ христіанства — про то, что у М. Хоренскаго разсказывается (II, 60, стр. 190) въ описаніи похоронъ царя Арташеса, когда между прочимъ много народу погибло изъ-за его смерти, въ числѣ ихъ также возлюбленные жены, и про то, какъ съ этимъ народнымъ обычаемъ энергично боролись христіанскіе первоучители Арменіи (Фаустъ, IV, 4, Пб., стр. 60). Впрочемъ работа de Morgan'a требуетъ осторожнаго обращенія и въ части описательной, слѣдовательно, матеріальной хотя бы потому, что раскопки имъ велись и въ Талышіи по способу кладонскателей, отсюда производство раскопокъ рабочими, безъ наблюденія, лишь бы раздобыть вещи, напр., въ Амаратѣ (ц. с., стр. 39), Джоню (ц. с., стр. 41), Тюлю (ц. с., стр. 50) и т. п. Потому весьма шаткой представляется классификація погребеній по находкамъ, установленіе четырехъ типовъ (ц. с., стр. 18 — 20), изъ коихъ лишь одинъ признаетъ самъ de Morgan специально армянскимъ, тогда какъ въ предѣлахъ даже Арменіи раскопками до днесь не выявлено все разнообразіе типовъ погребеній, а до 1896 г., когда писалъ французскій археологъ, оно еще менѣе было извѣстно.

² De Morgan, ц. с., стр. 52 — 53, 80, 102 — 103.

³ ц. с., стр. 95 сл.; см. ниже, стр. 8 сл., 12, 14.

мени, происшедшимъ на зарѣ переднеазіятской цивилизаціи, значительно ранѣ появленія арійцевъ, почему арійцы, вошедшіе въ соприкосновеніе съ этимъ архаическимъ культурнымъ міромъ и восприняли это яфетическое дѣло вмѣстѣ съ яфетической терминологією, въ частности съ названіями и желѣза и серебра.

На многоязычномъ Кавказѣ, сокровищницѣ пережиточныхъ первобытныхъ и культурныхъ языковъ, наносныхъ и коренныхъ, доступныхъ наблюденію лишь въ скрещенныхъ новообразованіяхъ различной степени гибридизаціи, не можетъ быть культурноисторической постановки изученія древностей края безъ опоры въ рѣчи, сказаніяхъ и вѣрованіяхъ окружающей народной среды. На Кавказѣ каждая вещь есть слово и слово есть вещь, когда, понятно, дѣло имѣемъ съ лексическимъ матеріаломъ, природно принадлежащимъ кавказской рѣчи; въ ней *всѣ* понятія, въ числѣ ихъ даже отвлеченныя, оказываются матеріальными или вещественными по происхожденію, и для выясненія роли cadaго предмета важно знать подлинное значеніе термина, которымъ онъ обозначается, его матеріальную природу: археологическій предметъ, лишь покрываясь живымъ понынѣ словомъ, можетъ отвѣчать полнотой словесно-вещевого содержанія своей реальной давно погасшей жизни. Нахожденіе перстня въ инвентарѣ талышскаго погребенія¹ одно само по себѣ можетъ ничего не говорить, но нельзя умалчивать о возможномъ мѣстномъ этническомъ происхожденіи вмѣщающей его въ себѣ культуры, въ связи съ яфетическимъ названіемъ перстня, играющаго значительную роль и въ кавказскихъ сказкахъ, — яфетическимъ терминомъ, усвоеннымъ и неяфетидами сосѣдями: рѣчь о г. be-ṭed-i (↖ *me-ṭed-i) || м. ta-ṭkind-i² || св. mə-skad, означающемъ „перстень; кольцо, печать“. Терминъ имѣетъ многочисленную родню въ грузинскомъ, мегрельскомъ и другихъ яфетическихъ языкахъ, но здѣсь интересно отмѣтить эквивалентъ его основы ṭed, означающей *ковать*, — шkad, также означающій *ковать*, откуда и св. kad-ä (←*ṣkad-a) *топоръ*,

¹ De Morgan, ц. с., стр. 85.

² Прежняя этимологія (Н. Марръ, *Къ вопросу о положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ*, стр. § 14, d, стр. 31—32) въ цѣломъ не отпадаетъ, но отношеніе къ яфетическимъ словамъ, въ частности мегрельскому и др. со значеніемъ „палець“ подлежитъ разъясненію на семасіологической почвѣ первобытныхъ народовъ по воспріятію понятій въ конкретныхъ образахъ въ свѣтѣ религиозныхъ представленій въ связи со значеніемъ въ нихъ культового значенія руки, а съ нею и пальцевъ.

и н. и арм. е-гкаә желѣзо, собственно „ковкое вещество“¹. Констатированіе цѣлаго цикла общераспространенныхъ сказокъ съ мотивомъ „волшебнаго кольца“ имѣеть литературное значеніе, но этнологически само по себѣ ничего не говоритъ. Когда археологи-вещевѣды отказывали Кавказу, съ ссылкой на отсутствіе въ немъ цинка, и въ творествѣ бронзовой культуры, перемѣщая ея начала то въ Индію, то въ Среднюю Азію, кавказская рѣчь, и чистаго яфетида, и метиса яфетида-аріоевропейца иного термина для понятія „бронза“, какъ яфетическое составное слово не знаетъ и не знала: звучитъ оно по-грузински—*sril-end-i* || древне-лит. *'h'ril-end-i*, по-армянски—*рэг-інд* (←*hrig-ind), откуда и перс. *birind*, и значить оно *мѣдь 'и' цинкъ*; и н. *a-par-and-an* || арм. *bil-az-uk* „браслетъ“, собственно „бронзовый браслетъ“, представляя діалектическія разновидности того же термина „бронза“, палеонтологически являются сверстниками и выразителями тѣхъ многочисленныхъ „бронзовыхъ браслетовъ“, какъ бы *бронзовищъ*, которыми полны кавказскіе могильники такъ называемой доисторической эпохи, собственно протоисторической.

Въ раскопкахъ прото-историческихъ могильниковъ на Кавказѣ только что начинается у насъ чувствоваться потребность, да и возможность теоретическая вести ихъ нога въ ногу съ выяснившимися передвиженіями многочисленныхъ разновидностей яфетическихъ народовъ и племенъ. Въ восьмидесятыхъ же и девяностыхъ годахъ, когда производились J. de Morgan'емъ раскопки на Кавказѣ, казалось допустимымъ рѣшать общіе, можно сказать—міровые, вопросы о происхожденіи металла изъ „туранскаго міра“ Средней Азіи² и объ арійскомъ руководящемъ вкладѣ въ культурное творчество человѣчества, подводя въ основу ихъ рѣшенія частичные, случайно намѣченные къ вскрытію и вскрытые раскопками кавказскіе областные матеріалы, связывавшіеся съ *ad hoc* сочинявшейся исторіею края, безъ знанія этнологической ея, подкладки и безъ всякаго вниманія къ ея элементамъ и сложнымъ скрещеннымъ формамъ этническихъ образованій. Тогда даже армяне признавались въ наукѣ чистыми аріоевропейцами. Естественно, археологъ, опиравшійся въ ссыл-

¹ Н. Марръ, *Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи*. I, 5, стр. 145.

² Въ этой части согласно мнѣнію, котораго одно время придерживался и Virchow, *Kaukasische Prähistorie* (Verhandl. der Berl. Anthropol. Gesellschaft), 1881, стр. 411 — 427.

и н. и арм. е-гкәә *желѣзо*, собственно „ковкое вещество“¹. Констатированіе цѣлаго цикла общераспространенныхъ сказокъ съ мотивомъ „волшебнаго кольца“ имѣеть литературное значеніе, но этнологически само по себѣ ничего не говоритъ. Когда археологи-вещевѣды отказывали Кавказу, съ ссылкой на отсутствіе въ немъ цинка, и въ творествѣ бронзовой культуры, перемѣщая ее начала то въ Индію, то въ Среднюю Азію, кавказская рѣчь, и чистаго яфетида, и метиса яфетида-аріоевропейца иного термина для понятія „бронза“, какъ яфетическое составное слово не знаетъ и не знала: звучить оно по-грузински—*sril-end-i* || древне-лит. *'h'pil-end-i*, по-армянски—*prǝg-ind* (←*hprig-ind), откуда и перс. *birind*, и значить оно *мѣдь 'и' цинкъ*; и н. *a-par-and-an* || арм. *bil-az-uk* „браслетъ“, собственно „бронзовый браслетъ“, представляя діалектическія разновидности того же термина „бронза“, палеонтологически являются сверстниками и выразителями тѣхъ многочисленныхъ „бронзовыхъ браслетовъ“, какъ бы *бронзовищъ*, которыми полны кавказскіе могильники такъ называемой доисторической эпохи, собственно протоисторической.

Въ раскопкахъ прото-историческихъ могильниковъ на Кавказѣ только что начинается у насъ чувствоваться потребность, да и возможность теоретическая вести ихъ нога въ ногу съ выяснившимися передвиженіями многочисленныхъ разновидностей яфетическихъ народовъ и племенъ. Въ восьмидесятыхъ же и девяностыхъ годахъ, когда производились J. de Morgan'емъ раскопки на Кавказѣ, казалось допустимымъ рѣшать общіе, можно сказать—міровые, вопросы о происхожденіи металла изъ „туранскаго міра“ Средней Азіи² и объ арійскомъ руководящемъ вкладѣ въ культурное творчество человѣчества, подводя въ основу ихъ рѣшенія частичные, случайно намѣченные къ вскрытію и вскрытые раскопками кавказскіе областные матеріалы, связывавшіеся съ *ad hoc* сочинявшейся исторіею края, безъ знанія этнологической ея, подкладки и безъ всякаго вниманія къ ея элементамъ и сложнымъ скрещеннымъ формамъ этническихъ образованій. Тогда даже армяне признавались въ наукѣ чистыми аріоевропейцами. Естественно, археологъ, опиравшійся въ ссыл-

¹ Н. Марръ, *Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи*. I, 5, стр. 145.

² Въ этой части согласно мнѣнію, котораго одно время придерживался и Virchow, *Kaukasische Prähistorie* (Verhandl. der Berl. Anthropol. Gesellschaft), 1881, стр. 411 — 427.

какъ своихъ на Кавказъ, главнымъ образомъ на личныя свои раскопки, веденныя, какъ казалось, въ предѣлахъ Арменіи, „Русской Арменіи“, всѣ встрѣчи съ талышскими древностями учитывалъ, какъ поддержку владѣвшей имъ идеи о принадлежности ихъ къ „арійской“ культурѣ¹. Между тѣмъ самъ районъ, Борчалинскій уѣздъ Тифлисской губерніи въ бассейнѣ р. Бердуджи или Дебеда-чая, притока Куры, является далеко не природнымъ удѣломъ исторической Арменіи, и если политически споренъ вопросъ до сего дня, то этнологически внѣ всякаго спора принадлежность его къ до-арійскому яфетическому міру, внѣ спора—яфетическая этническо-культурная наследственность въ его населеніи, какое бы яфетическое племя ни владѣло имъ первоначально, какое бы яфетическое племя, простое или гибридное, ни было хозяиномъ раскопанныхъ въ немъ могильниковъ. Въ этомъ смыслѣ представляютъ существенный интересъ, если, допустимъ, и не имѣютъ рѣшающаго значенія, признаки сродства талышскихъ могильниковъ и ихъ инвентаря съ этими древностями, по терминологіи J. de Morgan'a—древностями „Арменіи“, „Русской Арменіи“.

По опредѣленію самого J. de Morgan'a:

1) въ общемъ каменные ящики-могилы Талышій, напр. въ селѣ Раси, имѣютъ видъ могилъ „Арменіи“, безъ верхнихъ плитъ²,

2) могилы Aspa-Niz'a, однородныя съ могилами Djöpü, все въ Талышій, „содержатъ всѣ желѣзныя оружія и подвѣски, аналогичныя предметамъ „Русской Арменіи“, и фигурки животныхъ³,

3) въ талышскихъ древностяхъ наблюдается та же разноцвѣтная инкрустація, что въ „Арменіи“ и Микенахъ⁴,

4) въ нихъ на лицо, кривыя клинки, какъ въ некрополяхъ „Арменіи“⁵,

5) спирали того же типа, какъ въ „Арменіи“⁶,

6) каменные точила, какъ въ „армянскихъ“ некрополяхъ⁷,

¹ Произойти этому было тѣмъ легче, что пристрастіе къ „арійской“ культурѣ раздѣлялось и такими учеными, работавшими надъ теоретическо-научнымъ построениемъ въ области кавказскихъ древностей, какъ Вирховъ (см. Анучинъ, ц. на стр. 11-й въ прим. с., стр. 230—231).

² Ц. с., стр. 16: „caves de pierres placées côte à côte et présentant vaguement l'aspect de tombeaux analogues à ceux de l'Arménie, privés de leur dalle supérieure.“

³ Ц. с., стр. 52.

⁵ Ц. с., стр. 69.

⁷ Ц. с., стр. 79.

⁴ Ц. с., стр. 68.

⁶ Ц. с., стр. 83.

7) подвѣски, въ формѣ ли колокольчиковъ (рис. 101, 2 и 4) или ажурно отдѣланныя, „совершенно тождественны съ подвѣсками могилъ Арменіи“¹,

8) техническій приемъ отдѣлки глиняныхъ сосудовъ „съ черной поливой“ и ихъ орнаментации такой же, какъ наблюдаемый имъ самимъ, de Morgan'омъ, въ „Русской Арменіи“².

Бронзовые наконечники стрѣлъ представлены, какъ во всѣхъ прото-историческихъ могилахъ „Арменіи“, определеннымъ подборомъ ихъ видовъ³. Формы эти на Кавказѣ держатся и позднѣе, когда наконечники уже желѣзные⁴.

¹ Ц. с., стр. 100.

² Ц. с., стр. 105: „Avec le III-e état du bronze la poterie prend la finesse, la pâte en est épurée, les formes sont moins grossières, la surface des vases porte un enduit noir, lisse, qui fréquemment est orné au brunissoir, méthode que j'avais déjà reconnu dans les tombes de l'Arménie russe“.

³ Ц. с., стр. 74 — 75.

⁴ Тѣхъ же формъ желѣзные стрѣлы продолжаютъ существовать вплоть до поздняго средневѣковья, такъ напр., въ Ани. Потому архаическо-реальный интересъ представляетъ описаніе различнаго вида стрѣлъ у грузинскаго лексикографа Орбеліана. Установленіе датъ появленія на Кавказѣ тѣхъ или иныхъ формъ едва ли возможно одной ссылкой на совпаденіе ихъ съ формами, наблюдаемыми за рубежами кавказскаго міра, хотя бы и въ Микенахъ (ср. Д. Н. Анучинъ, *Доисторическая археологія Кавказа*, ЖМНП, 1884, янв., стр. 206, прим. 1). Впрочемъ и Virchow, подвергшій разсмотрѣнію вопросъ о древнихъ металлическихъ стрѣлахъ въ пользу мнѣнія о большей древности совершенно плоскихъ, вынужденъ былъ отчасти признать недостаточную прочность принятой хронологической классификаціи: „отдѣльная находка того или другого изъ этихъ типовъ еще не можетъ рѣшать вопроса о хронологіи“, заключалъ Virchow, и съ нимъ соглашался Д. Н. Анучинъ, ц. с., стр. 225. Однако вопросъ не въ такого рода привходящихъ фактическихъ деталяхъ, а въ томъ положеніи, что на Кавказѣ въ области общественныхъ духовныхъ и словесныхъ явленій, какъ и вещевыхъ первобытность и архаичность массово продолжали существовать пережиточно, повторялись ремесленно, и только тѣ даты приемлемы для памятниковъ „матеріальной культуры“ Кавказа, которыя основаны на учетѣ совокупности мѣстныхъ кавказскихъ условій, фактовъ мѣстнаго и этническо-культурнаго и культурно-историческаго порядка. Иначе не миновать того, что кавказовѣдъ-лингвистъ (хотя бы въ части осетинской рѣчи, вообще кавказскихъ иранскихъ языковъ) В. Э. Миллеръ „склоненъ былъ думать, что характеристичная бронзовая культура Кобаньскаго могильника и Казбекскаго клада.... продолжалась до временъ христіанства, и что Казбекскій кладъ можно объяснить зарытіемъ или потопленіемъ религіозныхъ предметовъ (хранившихся, вѣроятно, въ мѣстномъ капищѣ) — при введеніи христіанства и преслѣдованіи господствовавшего до тѣхъ поръ культа“ (Д. Анучинъ, ц. с., стр. 216). Самъ Д. Анучинъ, по Кавказу лишь вещевѣдъ, признавалъ доказаннымъ, что „характеристичная бронзовая культура (собственно культура начала желѣзнаго вѣка) про-

Если же у талышских древностей не всегда оказываются сродные или тождественные двойники въ „Арменіи“, собственно въ южно-кавказскомъ яфетическомъ мірѣ, то причина можетъ быть въ недостаточной его археологической обслѣдованности, такъ, напр., одинъ изъ немногихъ бронзовыхъ топоровъ напоминаетъ типъ, извѣстный на Кавказѣ не только изъ некрополя Осіи („Осетіи“), какъ думалъ de Morgan¹, но и изъ Гуріи, у Чурук-су², вообще по восточной при-понтійской полосѣ и на сѣверѣ, и на югѣ³, равно изъ окрестностей Боржома⁴.

Наконецъ, ненахождение точныхъ параллелей талышскихъ булавокъ въ „Арменіи“⁵, если бы это оказалось фактомъ и послѣ достаточно соразмѣрнаго со сложностью мѣстныхъ матеріаловъ и ихъ богатствомъ археологическаго обслѣдованія южно-кавказскаго края, наличность аналогій въ европейскихъ находкахъ лишній разъ подчеркнула бы особую связь приморскихъ областей каспійскаго бассейна съ промежуточнымъ звеномъ—сѣвернымъ Кавказомъ, что лучше всего свидѣтельствуется на фигуркахъ животныхъ, объединяющихъ съ Талышію Дагестанъ и Хевсурію. И тѣмъ болѣе эти предметы говорили бы за яфетидизмъ изначальнаго производства, что они въ Талышіи, предполагается, связаны съ появленіемъ желѣза⁶.

Въ талышскихъ подвѣскахъ и украшеніяхъ отмѣчаются общіе съ находками въ Хиссарлыкѣ и Микенахъ предметы⁷. Сродство въ предметахъ наряда талышскихъ некрополей съ архаическими

должалась въ Осетіи до поздней сравнительно эпохи“, вплоть до IV—VII вѣковъ по Р. Х. (ц. м.).

¹ Ц. с., стр. 77. И здѣсь наблюдается расширение района распространения на востокъ въ сторону лезгинъ, въ Дидоин (Анучинъ, ц. с., 232).

² По выраженію Д. Н. Анучина „изъ Гуріеля (sic), на Чурукъ-су“ (ц. с., стр. 225), въ коллекціи ген. Смѣкалова, какъ его видѣлъ еще Вирховъ.

³ Бронзовые топоры типа, сходнаго съ кобанскими, достигаютъ Черноморскаго побережья, гдѣ они вскрыты въ селеніи Сабертіо въ Самурзакани, въ Очемчирскомъ округѣ, и на берегу рѣки Кинтриша между Хуцубаномъ и Кобулетомъ (А. Комаровъ, *Краткій обзоръ археологическихъ находокъ въ Кавказскомъ краѣ* въ Изв. Кавк. Общ. Ист. и Археологіи, Тифл. 1882, стр. 1—3, см. Анучинъ, ц. с., стр. 232).

⁴ Видѣлъ лично я во время своей лѣтней поѣздки (1917) въ Месхію въ собраніи древностей у П. Виноградова, управлявшаго Боржомскимъ имѣніемъ. Впрочемъ еще Д. Н. Анучинъ въ 1884 указывалъ, что „топоры кобанскаго типа были добыты въ послѣднее время еще въ Закавказьѣ и въ Западномъ Дагестанѣ“ (ц. с., стр. 225).

⁵ Ц. с., стр. 98.

⁶ Ц. с., стр. 52 — 53.

⁷ Ц. с., стр. 81.

греческими могилами¹ выявляет „не только артистическія чувства, общія у до-талышей (prae-Talyches) и грековъ первыхъ эпохъ, но совершенное тожество въ употребленіи извѣстныхъ формъ“.

Для насъ достаточны эти наблюденія археолога-вещевѣда или вѣрнѣе археолога-копателя, да, пожалуй, не лишено интереса вызванное этими наблюденіями утвержденіе, что „такое сближеніе можетъ существовать только при сохраненіи частыхъ сношеній между этими народами или если имѣется связь общаго происхожденія“. Для насъ не представляетъ интереса дальнѣйшій выводъ археолога-копателя, поверхностно знакомаго съ культурной исторіею Кавказа².

Въ предметахъ обихода налицо отраженіе первичныхъ вѣрованій, вопреки утверженію самого раскапывателя³. Надо, понятно, учесть, что въ общественности тѣхъ первичныхъ историческихъ временъ наши дифференцированныя представленія о богахъ и вѣрованіяхъ могли вовсе и не быть и, вѣроятно, и не были; они не были и у кавказскихъ народовъ, яфетидовъ обслѣдуемой прото-исторической эпохи; лишь по нашей научной терминологіи мы теперь опредѣляемъ таковыми свидѣтельствуемые вещами факты, объективно возникавшіе въ связи общественныхъ явленій иного порядка. У начала рукояти на широкой части лезвія рядъ

¹ Ц. с., стр. 83.

² De Morgan, находясь подъ вліяніемъ аріоевропейской классификаціи народовъ Передней Азіи и Греціи и ихъ языковой связи съ Индіею, не считается съ не-арійскимъ племеннымъ составомъ архаичнаго Востока со включеніемъ Іоніи и Греціи, забываетъ о своихъ же исканіяхъ въ томъ же краѣ на рубежѣ сѣверной Персіи и Россіи реликтовыхъ племенъ аборигеновъ эпохи до появленія арійцевъ, и склоняется къ предположенію, что „греки, прэ-талыши и индійцы происходили отъ одного ствола, что у нихъ были одни и тѣже начала цивилизаціи“ и т. п. Для него наличный языкъ талышей, иранскій, рѣшаетъ вопросъ объ ихъ этническомъ происхожденіи (ц. с., стр. 95—96). „Почему бы не допустить“, спрашиваетъ риторически de Morgan (ц. с., стр. 96), „что артистическія традиціи сохранялись совершенно также, какъ начала лингвистики?“ Но, увы, „начала лингвистики“ не сохранялись вовсе или сохранялись путемъ законовъ скрещенія, гибридизаціи, взаимнаго растворенія.

³ De Morgan, ц. с., стр., 52: „Dans les nombreuses sépultures qui furent ouvertes au cours de cette exploration; je n'ai jamais rencontré le moindre indice me mettant sur la trace des croyances religieuses chez ces peuples. Je ne pense pas, en effet, que les figurines de bronze représentant des animaux et qui se rencontrent dans les sepultures de l'état du fer puissent être considérées comme des images divines“.

мечей снабженъ полумѣсяцемъ¹. Любопытны по тому же значенію фигурки быка и дикой козы, откопанныя въ могилахъ желѣзной эпохи. Нужно ли останавливаться на природности именно культа, какъ мы то теперь опредѣляемъ, мѣсяца въ кавказскомъ яфетическомъ мірѣ? Однако мы и не думаемъ утверждать, что каждое появленіе божества или культоваго предмета связано непосредственно съ религіозными, по нашей терминологіи, побужденіями, будетъ ли рѣчь о лунѣ или о животныхъ. Мы хотимъ только сказать о связи ихъ съ богами и ихъ культомъ, не только религіознымъ, богослужебнымъ, жертвеннымъ, но и социальнымъ (признаніемъ племенного сродства народа или рода съ опредѣленнымъ „божествомъ“ животнымъ, тождественнымъ со свѣтиломъ или его символомъ), равно въ словесномъ творчествѣ, съ отведеніемъ имъ особаго мѣста въ эпосѣ — сказаніями о богахъ. Въ дальнѣйшемъ, уже на памяти и письменныхъ источниковъ, этнически важныя животныя, по нашему опредѣленію, божественнаго цикла, пережитки въ свое время тотемическихъ воспріятій міра, социальны перерождались въ покровителей опредѣленныхъ родовъ (ихъ же изображенія въ геральдическіе знаки), эпически и вообще фольклористически въ героевъ животныхъ сказокъ или при антропоморфизмѣ — былинныхъ сказаній. Къ этому надо прибавить этнически-культурно важныхъ четвероногихъ, получавшихъ нарицательно названіе опредѣленнаго племени и становившихся извѣстными на всѣхъ или большинствѣ яфетическихъ языковъ исключительно подъ такимъ именно племеннымъ терминомъ, какъ обстоитъ дѣло на Кавказѣ, напр., съ названіемъ такого культурно-исторически важнаго животнаго, какъ *конь*, появляющійся въ изображеніи на талышскомъ перстнѣ². Въ порядкѣ тѣхъ же традиціонныхъ

¹ Ц. с., стр. 65, рис. 62,₂, 63,₄—7. Полумѣсяцъ получаетъ распространеніе въ направленіи на сѣверъ, такъ его находимъ въ Кобани (R. Virchow, *Das Koban im Lande der Osseten, Kaukasus*, стр. 53,₁₄).

² Ц. с., стр. 85, (рис. 88,₉): „Le chaton porte l'image d'un quadrupède, probablement d'un cheval si j'en juge par les caractères qu'il présente. Le travail est grossièrement fait au burin“. Имѣемъ ли въ рис. 103,₃ (ц. с., стр. 101) осла, мнѣ представляется сомнительнымъ. Лошадь же относится къ „характеристичнымъ“ для кавказскаго подбора археологически засвидѣтельствованныхъ животныхъ. Кстати, отмѣчу изъ указаннаго выше черноморскаго пункта близъ р. Кинтриша между с. Хуцубаномъ и с. Кобулетомъ обломки (3) поясныхъ пряжекъ съ рисункомъ, состоящимъ изъ рядовъ кружковъ въ рамкѣ и лошадиныхъ головъ, А. Комаровъ, ц. с. [цитату по Комарову провѣрить не удалось. Н. М.]

образовъ въ связи съ культовымъ или племннымъ животнымъ символомъ, а не съ потребностью натуралистическаго художественнаго изображенія, на одномъ изъ рѣзныхъ камней появляется фигура горбатаго быка, называемаго *Bos zebu indicus*¹, наличнаго по-нынѣ въ хозяйственномъ инвентарѣ талышей. На значеніи этого животнаго, используемомъ для установленія связи талышской культуры съ индійской въ смыслѣ подкрѣпленія арійскаго вліянія на талышскій край и въ предметахъ древности, нѣтъ нужды останавливаться²; основой ориентаціи de Morgan'a по Индіи въ поискахъ за источникомъ талышской вещевои культуры вовсе не животное зебу³. И потому то и

¹ Ц. с., рис. 99, см. и стр. 95.

² Фауна археологическаго Кавказа, вообще яфетической культуры вовсе не связана въ такой степени съ животнымъ царствомъ кавказской природы. Лингвистическая палеонтологія вскрываетъ раннее знакомство яфетидовъ и со слономъ, болѣе того — распространеніе термина „слонъ“ яфетическаго происхожденія, притомъ въ позднѣйшей яфетической формѣ у соприкасающихся съ кавказскимъ міромъ аріоевропейскихъ и семитическихъ народовъ: г. *spil-o* (← *spil-on) || *hril-o (← *hril-or, древнел. г. *ril-o*), откуда, т. е. изъ какого-то архаично культурнаго яфетическаго языка спирантной вѣтви, между прочимъ, п. *بیل*. О коренномъ или первоначальномъ значеніи яфетическаго термина („слоновая кость“, собственно „зубъ“) рѣчь будетъ въ особой специальной работѣ. Здѣсь отмѣчу лишь фактъ извѣстности ископаемаго слона въ предѣлахъ яфетическаго геогническаго міра (Анучинъ, ц. с., стр. 236): Комаровымъ на Кавказѣ былъ открытъ зубъ ископаемаго слона, опредѣлявшася имъ какъ *Elephas meridionalis* (Изв. Кавк. Арх. Общ.). Д. Н. Анучинъ предполагалъ возможность принадлежности его къ *Elephas armeniacus*, виду, установленному на основаніи остатковъ изъ окрестностей Эрзерума.

³ Такой основой ориентаціи является исключительное господство лингвистической теоріи аріоевропейскихъ языковъ. Это явленіе общее для археологовъ и не-археологовъ прежнихъ школъ и по настоящее время, несмотря на настойчивыя заявленія отдѣльных лицъ о необходимости осторожнаго обращенія съ вопросомъ объ общей индо-европейской древности даже обрядовъ (см. Д. Кудрявскій, *Изслѣдованія въ области древнеиндійскихъ домашнихъ обрядовъ*, Юрьевъ 1904, стр. 58). Когда Virchow (одно время) и затѣмъ Д. Н. Анучинъ ориентировались на Среднюю Азію въ поискахъ кавказской металлургической культуры, однако характерно колеблясь между прежнимъ фетишемъ—Индіею и новымъ тогда угро-финскимъ міромъ (поучительно въ этомъ смыслѣ перечитать и нынѣ формулировку этого двусторонняго взгляда въ не разъ цитованной сводной работѣ Д. Н. Анучина, стр. 230 — 231), то это было той данью, ставшей модной благодаря лингвистическо-этнографическимъ работамъ туркологовъ, урало-алтайской или угро-финской теоріи, которая даетъ себя знать и въ изслѣдованіяхъ такихъ выдающихся словесниковъ того же времени какъ А. Н. Веселовскій и В. Ө. Миллеръ и пока отмѣчена нами печатно лишь въ отношеніи перваго (см. мою статью *Ossetica-Japhetica*, I, ИРАН 1918. 2099).

необходимъ иной подходъ, съ должной чуткостью къ мѣстнымъ этническо-культурнымъ и культурно-историческимъ условіямъ, притомъ не только вещевымъ, но и психологическимъ и словеснымъ, болѣе осторожный и сложный подходъ къ рѣшенію генетическихъ вопросовъ по архаической культурѣ Кавказа. И вещевѣды-археологи признавали, что въ кавказскихъ фигуркахъ животныхъ имѣемъ традиціонныя повторенія искони освященныхъ изначальныхъ формъ, а вовсе не рисунки по натурѣ¹. И талышскій подборъ фигуръ и въ массѣ своего состава отнюдь не выходитъ изъ круга животныхъ, характерныхъ именно для кавказскихъ могильниковъ². А когда единичное отступленіе выражается излишкомъ такого животного какъ быкъ, то, во-первыхъ, и это собственно поддерживается находеніемъ изображеній того же четвероногаго въ Хевсуріи (Степан-цминда) и Осіи (Комунта)³, а, главное, именно быкъ и является священнымъ животнымъ въ районахъ Кавказа съ древопоклоненіемъ и культъ лунны, напр., въ Абхазіи и Сваніи. И только уходящее отъ этнографической среды археологическое теоретизированіе по поводу вещевыхъ древностей, а отнюдь не соображенія на основаніи реального ихъ пониманія могли привести и привели Virchow'a къ постановкѣ вопроса: „не слѣдуетъ ли заклю-

¹ Virchow, ц. с., стр. 5. Потому то Вирховъ писалъ: „Es handelt sich also sicher nicht um originale Erfindungen, sondern um Nachbildungen, welche theilweise geradezu einen heraldischen Charakter angenommen haben“.

² О природной принадлежності этихъ животныхъ Кавказу писали археологи съ широкимъ кругозоромъ и со спеціальной научной подготовкой, такъ Virchow писалъ (ц. с., стр. 133): „Trotzdem glaube ich sagen können, dass kein einziger Thier dargestellt ist, welches nicht, wild oder gezähmt, im Kaukasus vorkäme“. Д. Н. Анучинъ прямо таки утверждалъ (ц. с., стр. 230): „Изображенія животныхъ—барана, горнаго козла, оленя, лошади, медвѣдя, свиньи (?), птицъ, являются характеристичными для Кавказа; мы не встрѣчаемъ подобныхъ типовъ и въ такомъ изобиліи въ Западной Европѣ. Притомъ, всѣ эти типы мѣстные, свойственные Кавказу. Въ числѣ этихъ типовъ есть одинъ какой-то фантастическій; его считаютъ за барса, хотя по ногамъ (копытамъ) можно найти нѣкоторое сходство и съ лошадыю. Онъ встрѣчается только въ видѣ начертанія на топорахъ и поясныхъ бляхахъ, и никогда—въ формѣ статуэтокъ. Вирховъ полагаетъ, что онъ имѣлъ извѣстное символическое значеніе“. Если бы даже это былъ барсъ, мы не вышли бы изъ кавказскаго круга животного царства природы. Барсъ свидѣтельствуется на Кавказѣ, между прочимъ, и въ Ленкорани (Virchow, ц. с., стр. 136 и 145, гдѣ Beilage II. Zusammenstellung des Hrn v. Martens über kaukasischen Säugethiere).

³ Virchow, *Das Gräberfeld von Koban*, стр. 60. Быкъ, притомъ золотой, найденъ былъ у Казбека еще въ 1852 году (Анучинъ, ц. с., стр. 208).

читать, что древніе кавказцы не знали вообще крупнаго рогатаго скота“¹? Не говоря о скульптурномъ выявленіи культоваго значенія быка съ древнѣйшей поры, на вишапахъ², быкъ играетъ настолько же первенствующую роль въ религіозныхъ вѣрованіяхъ яфетидовъ, въ частности и кавказскихъ, какъ и овца. Термины „быкъ“ и „бычекъ“ у яфетидовъ однозначущи съ жертвеннымъ животнымъ, и одинъ такой яфетическій терминъ *zowar-ak* → *zvar-ak* проникъ, какъ теперь уже выяснено, въ сабейскую религію въ формѣ казавшагося семитологу Хвольсону непонятнымъ слова *زبرخ* = *zubar-eq*³.

Съ другимъ столь же популярнымъ животнымъ, овцою, мы добираемся до современной религіозно-бытовой живой старины, но скульптурно въ средніе вѣка о культовомъ значеніи этого животнаго свидѣтельствуя каменные фигуры овецъ и барановъ, украшающія кладбища и христіанскія, и мусульманскія. Со словъ Б. В. Миллера могу утверждать, что могильники съ такими фигурами овецъ распространены и въ Талышии. Б. В. Миллеръ располагалъ и вывезеннымъ изъ Талышии „чугуннымъ“ изображеніемъ барана.

Обслѣдованіе этихъ изображеній, особенно кладбищъ съ каменными фигурами барановъ не археологическій лишь вопросъ, поскольку оно дало бы намъ картину распространенія ихъ, стилистически связанныхъ съ тѣмъ или инымъ теченіемъ въ работахъ этого рода памятниковъ. Мы знаемъ пока мало, лишь слѣдующее. Кладбища этого типа, то мусульманскія, то христіанскія, армянскія или грузинскія, тянутся отъ береговъ Каспійскаго моря въ кавказской гео-этнической средѣ, на западъ вплоть до районовъ въ предѣлахъ древней Месхіи, въ области Джавахскаго населенія, слѣдовательно въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ, вплоть далѣе до Чорохскаго бассейна, а на югъ до Евфратованскаго района⁴. Разновидности типа отличаются и рѣзбою

¹ Virchow, ц. с., стр. 137.

² Вирхову это обстоятельство не было извѣстно.

³ Д. А. Хвольсонъ, *Die Ssabier*, II, 24, 37, ср. стр. 191, прим. 179, см. Н. Марръ, *Крещеніе армянъ, грузинъ, абхазовъ и алановъ святымъ Григоріемъ* (ЗВО, XVI, стр. 203).

⁴ Е. Такайшвили, *Археолог. экскурсіи, разысканія и замѣтки*. Вып. IV. (Отд. отт. изъ XLIII вып. Сборника матеріаловъ для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа), Тифлисъ 1913, стр. 64 et pass., W. Bachmann, *Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan*, Лейпцигъ 1913, табл. 9, см. стр. 8: „Auf dem Friedhof neben dieser Kapelle [въ с. Варзаханѣ, близъ Байбурда] liegen drei

на баранахъ различныхъ бытовыхъ или религіозныхъ картинъ. Типъ самый извѣстенъ на этомъ протяженіи вѣроисповѣдно и у мусульманъ, суннитовъ и особенно шіитовъ, и у христіанъ, халкедонитовъ (грекоправославныхъ), католиковъ и особенно антихалкедонитовъ (армяногригорянъ), національно же и у персовъ, и у турокъ, и у армянъ, и у грузинъ, но болѣе богатымъ по разнообразію сюжетовъ и художественности исполненія является армянское кладбище въ старой Джульфѣ, съ отдѣлкою каменныхъ барановъ, когда они даже завѣдомо XIII-го в. и болѣе поздняго времени, съ пошибомъ хетскаго стиля, но ни время, ни мѣсто возникновенія пока не опредѣлены¹, а относительно Талышіи не знаемъ и того, въ какихъ пунктахъ они расположены.

Точно также нѣтъ у насъ въ распоряженіи ни археологическаго, ни этнографическаго обследованія памятниковъ архитектуры и вообще строительства, хотя бы крѣпостей, въ Талышіи, степени древности ихъ или, чѣмъ чаще приходится интересоваться въ странѣ скрещеній и наслоеній, частей въ ихъ составѣ, когда сами сооруженія послѣдней даты позднѣйшія или хотя бы совсѣмъ новыя². Постройки же сами существуютъ.

Городище (Юнусъ, въ самой южной части ленкоранскаго уѣзда), развалины крѣпостей (Див-калеси, Дегер-калеси, Кыз-калеси, Шиндан-кала, построеннаго Шамр-бекомъ укрѣпленія Дигя и безыменной крѣпости на лѣвомъ берегу р. Ленкоранчая), остатки кирпичныхъ построекъ на вершинѣ Раство-каза на правыхъ высотахъ р. Вернару требуютъ обследованія на мѣстѣ не только какъ древностей архитектурныхъ, но и въ отношеніи народныхъ преданій о нихъ, равно народныхъ названій или точ-

merkwürdige Grabsteine in Tierform, die, unterschiedlich von den in Karatschoban gefundenen, Widder darstellen“.

¹ Принадлежность армянскихъ памятниковъ къ христіанской эпохѣ, при томъ поздней, не даетъ вовсе основанія отрицать возможность связи ихъ съ архаичными древностями Малой Азіи, какъ то дѣлалъ Perrot (Chipiez, V, стр. 111, прим.). Не съ этой стороны можно возражать Milchhöfer'у, когда въ *Widderdenkmäler aus Phrygien und Armenien* каменныхъ барановъ армянскихъ и вообще кавказскихъ онъ сближаетъ съ фригійскими (Archäol. Zeitung, 1883, стр. 263).

² И на это обстоятельство давно обращено вниманіе, когда, напр., со словъ еще Байерна, Анучинъ про фигуры животныхъ, находимыя у Степан-цминда, писалъ (ц. с., стр. 212), что они не изъ могилъ, а „отъ жертвенныхъ приношеній предметами культа“ на остаткахъ языческаго храма, впоследствии использованныхъ для возведенія христіанскаго.

наго народнаго произношенія перечисленныхъ названій, если они народны, вообще названій всѣхъ населенныхъ пунктовъ.

Съ этимъ матеріаломъ мы выходимъ уже за предѣлы иногда исторической досягаемости. Конечно, „Див-калеси“ и „Кыз-калеси“, турецкія названія — „Діавольская, собственно Дивова крѣпость“ и „Дѣвичья крѣпость“, также мало опредѣляютъ сами по себѣ что либо, какъ, когда тѣмъ же названіемъ „Дивова крѣпость“, но на грузинскомъ языкѣ Каджтацихэ (Қадѣа џіѣе) называется крѣпость въ Месхіи или безъ всякаго измѣненія турецкимъ Кыз-калеси именуется армянскій монастырь на полуостровѣ въ Ани, но за турецкими и персидскими названіями, легко распознаваемыми и часто лишь переводами архаичныхъ наименованій, выступаютъ съ точки зрѣнія и турецкой и иранской филологіи термины *pop liquet*, и въ нихъ то мы имѣемъ драгоценнѣйшее свидѣтельство о первичномъ кавказскомъ этническомъ составѣ населенія, объ яфетическомъ элементѣ, какъ, напр., *Arde-van*—*Arqe-van*, *Qibi-an* и т. п.

И въ числѣ этихъ яфетическихъ пережитковъ на первомъ мѣстѣ стоитъ само названіе и народа, и края — *talış* → *ḡalış*, впервые появляющееся въ армянской версіи *Исторіи Александра*¹. У В. Догн'а собраны разнообразныя формы названія по письменнымъ источникамъ²—*Tāləš* (طالش), *Taulešan* (арб. طيلشان), *Ḫalışān* (تالشن). Предлагаемая тамъ же этимологія совершенно не считается съ данными кавказской номенклатуры и ихъ формальными требованіями. *Taləš* → *Ḫaləš*, resp. *Taləš* (← *Talış*) → *Ḫaləš* (*Ḫalış*) — популярнѣйшее южное кавказское географическое названіе, распространенное по Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерніямъ. Села, называемыя такъ, чаще турецкія (впрочемъ и это требуетъ провѣрки); именно одно въ Кубинскомъ уѣздѣ Бакинской губерніи (503 души), три въ Шемахинскомъ уѣздѣ той же губерніи (412 д., 391 д., 331 д.), третье изъ нихъ — Талыш-нури; одно въ Гокчайскомъ уѣздѣ Бакинской губерніи (86 д.), два — армянскихъ, одно также въ Гокчайскомъ уѣздѣ (86 д.), другое въ Джеванширскомъ уѣздѣ Елисаветпольской губерніи (1452 д.), одно курдское — въ Эчмиадзинскомъ уѣздѣ Эриванской губерніи (452 д.). Сюда же по основѣ относится и *Talə-stan*, татское селеніе опять таки въ Гок-

¹ Гл. 194.

² *Caspia. Über die Einfälle der alten Russen in Tabaristan*. Пб. 1875, стр. 129.

чайскомъ уѣздѣ. Наконецъ, армянское населеніе Թալ-эш имѣемъ и въ селѣ Эриванской губерніи, въ древности называвшемся у армянъ-хайковъ—Аручь (Aṙuṭ).

По формѣ это или р. падежъ ед. числа -ш (|| -эш, при сохраненіи именного окончанія -īш || ēш и др.), суффиксъ, служащій также и для образованія имени дѣйствующаго лица, наличный между прочимъ въ словѣ *derv-ш* (← *derb-ш*) *дервишъ*, усвоенномъ персидской рѣчью яфетическомъ терминѣ этническо-религіознаго происхожденія, связанномъ религіозно съ усвоеннымъ черезъ курдовъ-езидіевъ турками яфетическимъ богомъ „челебъ“ (*čeleb* || *čeleb*), resp. *derb*, а этнически съ яфетическимъ населеніемъ, давшимъ свое названіе Азербейджану (*A-derb-ey-dan*, *A-tərp-at-akan*, *A-trop-at-en-e*), или pl. tantum -эш || -ш¹. И въ томъ и въ другомъ случаѣ это эквивалентъ этническаго же термина Թալ-ин → Թալ-эн, названія между прочимъ двухъ селеній въ Эчмиадзинскомъ уѣздѣ Эриванской губерніи, одного армянскаго и одного турецкаго (шіитскаго). Въ обоихъ случаяхъ однѣ и тѣже грамматическія категоріи, -ш по шипящей группѣ сибиліантной вѣтви яфетическихъ языковъ, -ин по спирантной вѣтви, собственно по уже выдѣляемой изъ нея сонорной вѣтви.

Основа *tal*, resp. *əal*, слѣдовательно, съ утраченной промежуточной разновидностью **dal* — этническій терминъ, требующій особаго разъясненія. Возможно, что въ терминѣ имѣемъ пережитокъ племеннаго названія Далеевъ (*Dalaa*), населенія области, извѣстной по VIII походу Саргона юго-восточнѣе, приблизительно въ Азербейджанѣ, съ укрѣпленными городами *Taru* и *Tarmakisa*². Но предварительно необходимо собрать имѣющіяся въ краѣ, Талышии, этнографическія данныя.

Въ отношеніи быта, соціальнаго строя въ матеріальной части — жилищъ, одѣяній, убранства, пищи, равно духовной — культа, музыки, ремесель и искусствъ, права и эпоса освѣдомленность настолько ограничена, что нѣтъ возможности даже приблизительно характеризовать и распредѣлить явленія этническія по району и сословіямъ, выяснить, насколько рядомъ съ этническими навыками у талышей играютъ роль мѣстныя условія.

¹ Нельзя разлучать анализъ *Tal*-эш и съ исторією термина *Gal*-эш, названія гиланцевъ (*gil-an*) изъ выраженія Թալэш-галэш.

² *Анналы*, ск. 113, см. Thureau-Dangin, *Une relation de la huitième campagne de Sargon (714 avant J.-C.)*, стр. 189.

Быть земледѣльческо-пастушескій. Рисовыя плантаціи въ занятіяхъ у населенія низменной, лѣсистой части, тутовыя съ шелководствомъ мѣстами (близъ Шах-Агача и у сел. Арчевана), затѣмъ садоводство и пчеловодство общераспространенныя. Въ скотоводствѣ отмѣчается наличие „индійскаго быка зебу“, у горцевъ — овцеводство, а также хлѣборобство (пшеница, ячмень, люцерна, картофель), огородничество, табаководство. Ремесло у низинцевъ — плетеніе красивыхъ и прочныхъ рогожь, также корзины изъ камыша, они же пильщики (доски изъ дерева грецкого орѣха) и дровосѣки, равно рыболовы, у горцевъ — шерстяное дѣло: „женщины сел. Мистанъ изготовляютъ изъ шерсти грубыя ткани персидскихъ рисунковъ и образцовъ“ (какихъ! не съ выборомъ ли)?

Хозяйство двухъ типовъ: или села съ разбросанными дворами или селенія представляютъ группу тѣсно сбившихся въ кучу сакель. Въ горномъ районѣ у границы лѣсистой части наблюдается мѣшанный типъ: дома, оставаясь глиняными или кирпичными, получаютъ двускатную крышу. Сообразно рѣзко выступаетъ различіе двухъ типовъ жилища (Риссъ, Зейдлиць, Радде) въ зависимости отъ района. У типа низменной и лѣсистой части двѣ разновидности по строительному матеріалу мѣстности, у моря—камышу (стѣны плетутся изъ камыша и обмазываются), въ лѣсистой части—дереву (деревянные срубы о двухъ комнатахъ, иногда съ балкономъ). Въ горной части постройки глиняныя, саманныя, съ плоскими крышами, или кирпичныя.

Въ жилищахъ мѣстнаго типа—лямы („нѣкоторымъ изслѣдователямъ напоминаютъ юго-восточную Азію“), въ защиту отъ маляріи и мошкаръ, сооруженія на столбахъ, изъ хозяйственныхъ построекъ — плетневые сараи, нѣсколько возвышающіеся надъ землею, съ камышевыми крышами (ср. мегрело-гурійскія „наліа“).

Изъ культовыхъ построекъ извѣстны лишь мечети — въ Талышіи ихъ было 39 (по даннымъ 1873 г.). Костюмъ общій (и у горцевъ, и низинцевъ?) съ азербейджанскимъ (однако желательны подробности о немъ, вообще объ одѣяніи), „привычка многихъ“ (и горцевъ?) — ходить съ непокрытой головой, „безъ шапки“ (ср. любовь мегрельцевъ, приморскихъ жителей лѣсистыхъ низинъ, уже понтійскихъ, ходить также съ непокрытой головой, но съ наброшеннымъ на плечи башлыкомъ).

Пища талышей низинцевъ рисъ (безъ масла), вообще зелень, и молочные продукты; почти обходятся безъ масла; пища талы-

шей-горцевъ, зуvandцевъ, баранина (о блюдахъ и печеньяхъ культовыхъ, бытовыхъ, равно напиткахъ нѣтъ свѣдѣній).

Въ бытѣ и строительствѣ значеніе мѣстныхъ условій, въ частности въ типахъ построекъ — мѣстныхъ матеріаловъ выступаетъ ярко, но и это не устраняетъ зависимости отъ этнической культуры, связи съ первоначальнымъ или наноснымъ племеннымъ составомъ населенія. Вопросъ именно слѣдующій: не потому ли располагаетъ населеніе мѣстными условіями опредѣленнаго порядка, что природный этнической составъ его вынуждалъ осѣдать въ соотвѣтственной мѣстности?

Въ конечномъ итогѣ мы затруднились бы признать уже завершившимся національное самоопредѣленіе талышей находеніемъ ихъ, благодаря ихъ персидской рѣчи (своеобразному нарѣчію) и персидской національной религіи (шіитизму) въ орбитѣ персидскаго народа. Этническая природа талышей настолько связана многочисленными племенными и бытовыми особенностями съ яфетическимъ міромъ Кавказа, въ его христіанской на югѣ и мусульманской на сѣверѣ половинахъ, что возможность національнаго самоопредѣленія ихъ по Кавказу не можетъ быть исключена: въ талышскомъ населеніи заложено достаточно элементовъ народно-психологической тяги къ Кавказу.

Однако, пока что, предстоитъ выяснить этническія взаимоотношенія талышей не только со сродными татами на сѣверѣ и гелами (гилянцами) на югѣ и болѣе дальними, однако всетаки по языку сродными иранцами — курдами, но и съ чуждыми по рѣчи, но единовѣрными азербейджанцами-турками. Изъ нихъ послѣдніе, быть можетъ, также прошли нѣкоторые параллельные съ талышинскими этапы этническаго перерожденія, до отуреченія¹.

¹ Въ этомъ смыслѣ не потеряла своего значенія программа этнолого-археологической работы, намѣченная въ слѣдующихъ строкахъ de Morgan'a (ц. с., стр. 59): „Si donc des fouilles analogues à celles que j'ai faites dans le Tâlyche russe étaient exécutées dans le Tâlyche persan, le haut Ghilân et les montagnes du Mazandérân, on rencontrerait bien certainement les restes des peuples qui jadis habitèrent l'Hyrcanie, tribus probablement de même race que les hommes de Kravéladi, de Véri et de Djönü. Une semblable étude ne serait pas sans éclairer la science sur la nature ethnique et sur la civilisation de ceux qui avant les invasions aryennes vécutrent dans ces montagnes“. Однако работа и по этой программѣ не такъ легка, если имѣть въ виду, что реликтовые племена прослѣживаются не какъ самостоятельныя единицы, а какъ поглощенные элементы въ составѣ позднѣйшихъ гибридныхъ этническихъ образованій.

Въ прилагаемомъ ниже перечнѣ работъ по Талышии, составленномъ Б. В. Миллеромъ, слѣдовало бы, пожалуй, не опустать и книгъ по животному міру края¹, которому европейцы удѣляли больше научнаго вниманія, чѣмъ человѣку, по крайнсей мѣрѣ на Кавказѣ. Съ особенной любовью изучень талышскій тигръ, названіе котораго, впрочемъ, зоологами заносится лишь на татарскомъ языкѣ², если „татары“ въ словоупотребленіи у естествоиспытателей не означаетъ и талышей-иранцевъ, точнѣе — талышей, говорящихъ на персидскомъ нарѣчьи.

¹ К. А. Сатунинъ, *Млекопитающія Талыша и Муғани* (Извѣстія Кавказскаго Музея, т. II, стр. 87—394, 1906).

² К. А. Сатунинъ, *Млекопитающія Кавказскаго края*, Тифл. 1915, т. I, стр. 305: „у татаръ Ленкоранскаго уѣзда неправильно -- ширъ, что собственно значить [по-персидски] „левъ“.

Списокъ работъ о Талышнн.

- „Провинція Талышинская“. — Журналъ Министерства Вн. Д., 1831, ч. V.
Alexandre Chodzko. — Specimens of the popular poetry of Persia. London 1842.
- Его-же. Le Ghilan ou les marais Caspiens. Paris 1850.
- И. Березинъ. — Путешествіе по Дагестану и Закавказью. Казань 1849.
- Снадебные обряды талышинцевъ. — Закавказскій Вѣстникъ. 1854, № 12.
- Риссъ. П. Ф. — О талышинцахъ, ихъ образъ жизни и языкъ (Записки Кавк. Отдѣла Имп. Русск. Географ. Общества, вып. III, 1855).
- J. Bérézine. — Recherches sur les dialectes persans. Casan 1853.
- Зейдлицъ. — Этнографическій очеркъ Бакинской губ. (Кавказскій Календарь 1871).
- Космогоническія повѣрья талышинцевъ Ленкоранскаго уѣзда, Байрамъ Алибекова (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа, вып. XVII).
- Талышинскіе тексты — сообщены учителемъ Ленкоран. начальн. училища Теймуръ бекъ Байрамъ Алибековымъ, съ примѣчаніями и замѣтками къ нимъ Лопатинскаго (Сборникъ матеріаловъ и проч., вып. XX).
- Dr. Gustav Radde. — Reisen an der Persisch-Russischen Grenze. Talysch und seine Bewohner. Leipzig 1886.
- Его-же. — Talysch, das Nordwestende des Alburs und sein Tiefland. Petermanns Mittheilungen, XXXI, 1875.
- B. Dorn. — Bericht über eine wissenschaftliche Reise in dem Kaukasus und den südlichen Küstenländern des Kaspischen Meeres (Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg, tome IV, 13/25 Sept. 1861).
- Его-же. — Caspia. Über die Einfälle der alten Russen in Tabaristan (Mémoires de l'Acad. Imp. des Sciences de St. Pétersbourg, VII série, tome XXIII, № 1, 1875).
- G. Melgunof. Das südliche Ufer des Kaspischen Meeres oder die nordprovinzen Persiens, Leipzig 1868.
- Завадскій, А. М. — Поѣздка въ Талышъ лѣтомъ 1902 (Изв. Кавк. Отд. И. Р. Г. О., т. XIX).
- Grundriss der iranischen Philologie, См. W. Geiger. B. I, 2 Abt. 4 Lief.
- Б. В. Миллеръ. — Докладъ о талышинскомъ языкѣ въ Восточной Комиссін Имп. Моск. Арх. Общ. (Протоколъ № 81, 25) XI, 1902 въ Трудахъ Вост. Ком. (т. II, вып. 3-ий, М. 1903).

Подъ руководствомъ метранпажа Н. Е. Федотова набирали А. В. Кораблевъ и А. П. Потаповъ. Печатавъ В. А. Штейнъ. Было подписано къ печати еще въ 1918 году, почему и сохранено старое правописаніе.